

Absolut Savo

В последнее время Серж Савостьянов любит рассказывать про Евгения Гришковца. Как они познакомились, как выясняли, кто из них харизматичнее и доминантнее, как все закончилось боевой ничьей и как они потом подружились. Про то, сколько они пересмотрели архивной хроники, когда работали над плакатами к «Дредноутам», и теперь если Гришковец занимает первое место по знанию истории флота времен Первой мировой войны (среди любителей), то Серж — прочное второе. Серж знает о своей новой слабости и смущенно оправдывается: «Я так много говорю о Гришковце, потому что этот человек меня реально удивляет!» Кто побывал хотя бы на одном спектакле Гришковца, Сержа поймет, а кто не был — тому «два», как говорит сам Graf d'Sign, и «настоятельно стоит пойти». Если попытаться составить портрет Савостьянова по отзывам коллег по цеху, мнения будут крайне полярными: милейший, умнейший, добрейший, талантливый, абсолютно интернетный, излишне интеллектуальный, многопьющий (сообразно росту и весу), одиозный и скандальный.

Минимальный состав Gd'S — это я

Одиозная? Я абсолютно скандальный? Наверное, со стороны виднее. Как сказал Макиавелли: «Неважно, чтобы о вас говорили хорошее, важно, чтобы говорили плохое». Ричард Блэкмор — противный скандальный человек, который поменял кучу составов в Deer Purple и Rainbow, но он мне симпатичен. Я не отношусь к Graf d'Sign как к заводу, фабрике, коммерчески выгодному предприятию. Я отношусь к нему как к музыкальному коллективу. Есть люди, которые помогают мне: Йован Савович, Сережа Данюшевский, Сережа Андреев. Замечательные, милые, хорошие, я их очень люблю. Мы с ними «музицируем». До этого в коллективе играли другие люди, тоже замечательные и талантливые. Graf d'Sign — это как Ирландская республиканская армия! Все знают, что она существует, но никто ее не видел. Хотя я недавно нашел сайт, где написано, что запасы динамита у Ирландской армии составляют столько-то, автоматов и патронов столько-то. Я могу перечислить имеющееся у нас количество «макинтошей», сканеров, принтеров. Но смысл? Какие-то периоды жизни Graf d'Sign состоял из меня одного. Это к вопросу об аналогии с музыкальными группами. Если Гребенщиков говорит, что минимальный состав «Аквариума» — это БГ, то минимальный состав Gd'S — это я. Это не потому, что я люблю «якать», а потому что это так.

Брендинг — Нейминг — Логотипинг

Название очень странно пришло. Я сидел на Патриарших и придумывал имя для студии. Внезапно заиграли Led Zeppelin. Я подумал, какое же кайфовое название Led Zeppelin! Потом вспомнил, что был такой Ferdinand Graf von Zeppelin. А там уж и до Graf d'Sign было рукой подать. Брендинг — это мое любимое занятие. Я горжусь придуманными названиями типа «Ангар 17», «Q2 — Качество в квадрате» или «Делай вывод!». Последнее название придумано для Сергея Сироты, сначала это был, правда, слоган. Больше всего на свете люблю делать логотипы, фирменные стили и придумывать названия. Вот, кстати, наша новая визитка. Если сложить все визитки Graf d'Sign, то получится лётная карта над Мадагаскаром, с реальными позывными. Только никому не рассказывайте. А за карты спасибо великому художнику Гере Мурышкину.

Мизантропия

А с музыкой мы давно уже ничего не делали. Из последнего — для Ирины Богушевской — делали редизайн альбома. Она, кстати, возглавляет орден моноорганитов в моем движении постсексуальных реформ. Но мое последнее увлечение — это мизантропия. Я всех призываю к этому. И Скляр я недавно уговаривал не выпускать компакт, потому что люди будут слушать. Вот Богушевскую практически убедил. Может быть, поэтому она его и не выпускает... Мы увлечены мультимедиа, какими-то флеш-вещами. Много всего сделали... git.ru, syrus.ru, angar17.ru, conspirasy.ru, флеш-ролик к «Планете» Гришковца. Megabrain.ru — интеллект вернулся. Искусственный. Вы можете задать любой вопрос и получить ответ. Он подберет наиболее подходящие варианты и сообщит вам через оператора. Замечательный проект Йована и белорусской студии Pixelhead dirty.ru — очередной блог, на этот раз коллективный. Это место, где люди делятся вещами, которые нашли в Сети, и обсуждают их.

Сделали проект для Born magazine (bornmag.com) — место встречи дизайнера и литературы. Очень рекомендую. Transatlantic tango видели? Нет, — ну, «два» вам. Посмотрите! Это художественный проект. Стишки мои, Сережа Данюшевский снял фотосессию, все это дело замикшировалось, наложили музыку, получилась отличная вещь. Стишки действительно хорошие. Это не мое мнение (по-моему, они просто гениальные), это мнение Дмитрия Савицкого — очень хорошего русскоязычного писателя, который живет в городе Париже. О нем ходят разные слухи, кое-кто говорит, что он скандальный и одиозный, но я в это не верю.

Нам сверху видно все, ты так и знай

Я окончил, как и мы все, Московский авиационный институт, факультет космонавтики. Моими научными руководителями были замечательный Дмитрий Николаевич Щеверов и второй человек после Королева, академик Василий Павлович Мишин. Поэтому, в отличие от всех других дизайнеров, я точно представляю, что такое тонкостенная оболочка и как ее рассчитать. Знаю, что такое сопромат, аэродинамика, абляция, компоновка и всякие другие сакральные вещи. Кроме то-

го, я бегал внутри топливного бака ракеты P7 и сидел часа четыре внутри спускаемого аппарата, зарисовывал стыковочный узел. Но космонавты все небольшого роста, им проще. Такие вот полезные знания есть у меня. Там же я познакомился с программированием. Мой первый домашний компьютер—Compaq 286Pro, с двумя мегабайтами памяти и с винтом просто фантастическим, то ли 10, то ли 15Mb. Он научил меня терпению. Свои первые дизайнерские работы я делал в чудовищной программе CorelDraw, версии 3. Приходилось ждать по полчаса, пока экран прорисовывается. Чему это учит? Ты либо начинаешь еще больше курить, либо становишься терпеливым. У программистов была в свое время поговорка, что программист тогда достиг совершенства, когда думает быстрее, чем машина. В тот момент я думал быстрее, чем машина. С тех пор многое изменилось... Машины стали думать еще медленнее.

Граф фон Цеппелин

Собственно, все началось с историй про графа Цеппелина. Он был интересным человеком, с большим чувством юмора. Он много раз начинал все сначала, когда у него все буквально сгорало дотла. Когда один из его первых цеппелинов сгорел полностью, остался лишь железный остов, он предложил собрать все железо и сделать ложки. Ложки Цеппелина были разосланы подписчикам, на чьи деньги собирался этот цеппелин. «Ложки Цеппелина»—слабое, наверное, было утешение... У меня очень много книжек про дирижабли. Началось всё в Праге. Как-то мы приехали туда с Игорем Ганжой и встретили моего брата, который там снимался в «Сибирском цирюльнике» (старую Москву снимали в Праге). Брат водил нас по всяким значным заведениям, и, когда мы совсем назлачилились, зашли в книжный магазин. Все было так же, как Женя Гришковец рассказывает в «Дредноутах», только была не зима, а лето, и я увидел огромную книжку не про дредноуты, а NEZAPOMENUTELNA ERA VELKYCH VZDUCHLODI и на обложке естественно HINDENBURG. И я купил эту книжку на чешском. Вот с этого все и началось: куда брата ни приезжал—езде искал книжки про цеппелины. У меня уже штук пятнадцать их, не считая всевозможных открыток, распечаток, ссылок. Мне даже подарили сборный макет цеппелина, но я не могу его склеить, у меня уже ручки не те, если бы они были чуть меньше... Более того, я не могу его правильно покрасить. Вот в Сербии, например, проходят чемпионаты по покраске сборных моделей, их надо красить специальными пульверизаторами, а не кисточками. У меня такого нет, это и останавливает. Это такое помешательство тотальное. (На обложке сайта GdS—дирижабль Norge, долетевший до Северного полюса в 1926 г.)

«Хай Фиделити»

High Fidelity— самая субъективная премия в Интернете, которую я присуждаю время от времени по принципу «нравится— не нравится». Никаких объективных критериев оценки не существует. Если мне нравится сайт, то я говорю: «Вот тебе, человек, High Fidelity», и вместе с High Fidelity он получает майку и ссылку на свой сайт. В ближайшее время будет еще премия Free Raulity, посвященная младшему брату Кастро Рус.

Этот день должен отметить каждый

Серж Савостьянов, как и мы все, родился в один день с Александром Татарским, Александром Солженицыным, Андреем Макаревичем и желтой газетой «Московский комсомолец». Очень не любит рыбалку, охоту и собирание грибов. Считает, что ничего нет снаружи, все только внутри. Существует мозг, который лежит либо в майонезной баночке, если мозг маленький, либо в трехлитровой, если он большой. Они лежат в этих банках, у них есть проводки, расходящиеся в разные стороны, и они могут общаться по этим проводкам, а когда находят общие зоны, то получают максимальное удовольствие. А если они еще подключены к Интернету, то это вообще nirvana. Если хочешь узнать, что у человека на душе, спроси, что ему снится. Если ему снятся кошмары, значит, он уже вырос. (Вольная цитата из «Arizona Dreams».)

Семнадцать лет назад

Этот сон я рассказывал всем друзьям и близким, зарисовывал его и записывал, потому что он поразил меня до глубины души. Я проезжаю под площадью Гагарина по непонятному туннелю (которого тогда не было) и из дня оказываюсь в ночи. Выезжаю на улицу Шверника, подъезжаю к своему дому и вижу, что фасад у него готический. Старая хрущевская пятиэтажка облеплена готическим фасадом. Я захожу во двор, а там везде обрывки журналов, газет— и все на немецком языке. Мне становится не по себе, и тут я вижу каких-то «хоббзов» («хоббо»— слово, возникшее в Штатах, название бродяг, скитальцев, которые передвигались на поездах, когда хиппи еще не было). Будем называть их «хоббо», хотя они могли быть какими-нибудь волхвами, кем угодно. Такие ребята-«зи-зи-топы», бороды у них, все дела. Я подхожу и спрашиваю, тоже по-немецки: «Отцы, где я, собственно?» А они греют руки у костра, ждут звезды, видимо: «Это—нигде. Этого—нет, и потому нет названия этому...» Я говорю: «О, чуваки, теперь-то все встает на свои места».

Семнадцать лет спустя

Поздний вечер. Мы с Йованом едем через недавно построенный туннель под площадью Гагарина. Я решаю заскочить в свою бывшую квартиру, которую я очень любил. Она была маленькая и очень уютная, мне было жаль с ней расставаться (пятиэтажку должны были сносить). Мне нужно забрать там кое-какие вещи. Луна, февраль, тринадцатое число. Дом весь в огромных сосульках. А что такое огромные сосульки в моем понимании? Это сосульки, которые больше меня в четыре раза. Они спускаются с пятого этажа почти до земли. Дом оцеплен, забор вокруг него, ночь, тишина. Мы совершенно обалдевшие, потому что неделю назад все выглядело нормально. У меня с собой маленькая камера, мыльница. Я иду вдоль дома и все фотографирую. Захожу в подъезд, там темно. Я иду очень мелкими шажками по ледяной горке, поднимаюсь к себе на второй этаж. Дверь в мою квартиру выбита, а вместо двери ледяная вагина. Фотографирую. Фотоаппарат я использую еще и для того, чтобы освещать путь, потому что не видно ничего.

Я в комнате, в которой стоит мой холодильник, вросший в сосульку, как сталагмит. Все, что я хотел забрать, либо унесли до меня, либо во льду. Миссия моя невыполнима. Пленка закончилась. Я выхожу, мне не страшно. Возвращаюсь к Йовану, который стоит около дома. Садимся в машину, и он говорит: «Я никогда не понимал этого в фильмах ужасов: там явно пиндык, а они туда идут!» Я захожу движок и понимаю, что у меня дежа вю. Вижу огонек во дворе, там будка какая-то. Видимо, там сидят эти перцы (я понимаю, что они на самом деле строители). Надо бы зайти, спросить их, но, думаю, нет! Мы едем домой, берем штатив, камеру, чтобы сделать крутую фотосессию... И вдруг я чувствую, что не хочу этого. Я один раз столкнулся с этим и больше не хочу. Ничего на самом деле нет снаружи, все находится внутри.